Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-749-755

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье на основе историко-правового и формально-юридического методов исследуется эволюция воспитания и образования несовершеннолетних осужденных в России с середины XIX века до современности. Выделены четыре модели государственной политики: доинституциональная опекунско-карательная; приютско-педагогическая, нормативно оформленная актами 1866 и 1909 годов; советская коллективно-трудовая; современная правозащитная модель образовательной ресоциализации. Установлено, что развитие системы не было линейным: периоды приоритета педагогических средств сменялись усилением режимной и производственной функций. К устойчивым элементам отечественной традиции отнесены раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых, соединение общего и профессионального обучения, индивидуализация воздействия, участие семьи и общественности, подготовка воспитанника к самостоятельной жизни. Обосновано, что в современных условиях образование должно рассматриваться не как вспомогательное средство режима, а как системообразующий компонент исполнения наказания. Предлагается закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве принцип непрерывности образования несовершеннолетнего осужденного, индивидуальную образовательную траекторию, защищенный цифровой доступ к образовательным ресурсам, межведомственную передачу образовательного портфолио и сопровождение обучения после освобождения. Сформулированы правовые критерии разграничения подлинно воспитательной деятельности и дисциплинарных практик, формально обозначаемых как воспитание.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные; воспитательные колонии; образование; воспитание; исправительные приюты; пенитенциарная педагогика; ресоциализация; уголовно-исполнительное право.*

Для цитирования: *Майстренко Г. А. Воспитание и образование несовершеннолетних осужденных в России: историко-правовая эволюция и современная модель образовательной ресоциализации // Образование и право. 2026. № 10. С. 749–755.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

UPBRINGING AND EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION AND THE CONTEMPORARY MODEL OF EDUCATIONAL RESOCIALIZATION

Annotation. *The article applies historical-legal and formal-legal methods to examine the evolution of upbringing and education of juvenile convicts in Russia from the mid-nineteenth century to the present. It identifies four models of public policy: the pre-institutional custodial-punitive model; the shelter-based pedagogical model legally shaped by the acts of 1866 and 1909; the Soviet collective-labour model; and the contemporary rights-based model of educational resocialization. The development was not linear: periods prioritizing pedagogical measures were repeatedly replaced by stronger security and production functions. The stable elements of the Russian tradition include*

separation of juveniles from adults, a combination of general and vocational education, individualized treatment, family and civil-society participation, and preparation for independent life. The article argues that education should be treated not as an auxiliary element of prison discipline but as a system-forming component of juvenile sentence enforcement. It proposes statutory recognition of educational continuity, an individual learning pathway, secure digital access to educational resources, inter-agency transfer of an educational portfolio, and continued learning support after release. Criteria are formulated for distinguishing genuine educational work from disciplinary practices merely labelled as upbringing.

Key words: *juvenile convicts; juvenile correctional facilities; education; upbringing; correctional shelters; penitentiary pedagogy; resocialization; penal enforcement law.*

For citation: *Maistrenko G. A. Upbringing and education of juvenile convicts in Russia: historical and legal evolution and the contemporary model of educational resocialization. Education and law. 2026;(10):749–755. (In Russ.).*

Введение

Воспитание и образование несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, образуют самостоятельную уголовно-исполнительную проблему на стыке истории права, пенитенциарной педагогики и образовательной политики. Для подростка обучение имеет правовую, возрастную и компенсаторную природу: реализует право на образование, восполняет школьную неуспешность и формирует легальные способы самореализации. Поэтому оно не может быть факультативным приложением к режиму, а должно определять содержание исполнения наказания.

Современное право исходит из особого статуса ребенка и обязанности государства учитывать его наилучшие интересы [1; 2]. Международные правила требуют предоставлять каждому несовершеннолетнему, лишенному свободы, образование, соответствующее его потребностям и способностям, по возможности вне места содержания и по программам, обеспечивающим продолжение обучения после освобождения [3]. Российский законодатель закрепляет единый учебно-воспитательный процесс в воспитательных колониях [12], однако его юридические параметры раскрыты неполно. Не урегулированы непрерывность образовательной траектории при переводе и освобождении, содержание цифровой образовательной среды, порядок межведомственной передачи учебных результатов и гарантии последующего сопровождения.

Цель исследования — выявить закономерности историко-правовой эволюции воспитательно-образовательной функции учреждений для несовершеннолетних и определить направления ее правовой конкретизации. Научная новизна состоит в периодизации этой эволюции по доминирующему пониманию исправления и в обосновании модели образовательной ресоциализации, центром которой является непрерывная индивидуальная траектория подростка. Использованы историко-правовой, формально-юридический, системный и сравнительно-хронологический методы.

1. Предпосылки специальной воспитательно-образовательной политики

До второй половины XIX века российское право не создавало самостоятельной системы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних. Возраст учитывался прежде всего при решении вопроса о вменении и мере ответственности, тогда как содержание подростков оставалось производным от общей тюремной практики, семейной власти, церковного попечения и благотворительности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривало возможность передачи малолетнего родителям, опекунам или родственникам «для вразумления и наставления» [4]. Государство тем самым признавало воспитательную специфику детского возраста, но возлагало ее реализацию на среду, которая нередко сама являлась источником безнадзорности.

Доинституциональная модель имела три взаимосвязанных недостатка. Несовершеннолетний воспринимался преимущественно как объект опеки либо смягченного наказания, а не как самостоятельный субъект образовательного права. Обучение не включалось в юридическое содержание уголовно-правовой меры. Наконец, отсутствовало гарантированное отделение подростков от взрослых заключенных, вследствие чего тюремная среда усиливала криминальную социализацию. Переход к специальным приютам и колониям был вызван не только гуманизацией наказания, но и осознанием того, что исправление подростка требует другой институциональной технологии: длительного педагогического воздействия, школьного обучения, труда, семейного режима и последующего патронажа.

2. Приютско-педагогическая модель Российской империи

Нормативным рубежом стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета

от 5 декабря 1866 года «Об исправительных приютах» [5]. Учреждать приюты и земледельческие колонии могли государственные, земские, общественные, духовные и частные структуры. Их задача связывалась с нравственным исправлением несовершеннолетних, приучением к труду и предоставлением элементарного образования. В отличие от обычной тюрьмы приют должен был воспроизводить педагогически организованную микросреду: небольшие группы, постоянный надзор наставников, школьные занятия, ремесленное или сельскохозяйственное обучение, религиозно-нравственное воспитание.

Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних 1909 года систематизировало накопленный опыт и закрепило само наименование «воспитательно-исправительное заведение» [6]. Законодатель стремился соединить охрану общества с подготовкой воспитанника к честной самостоятельной жизни. Образование включало начальное обучение и профессиональную подготовку, выбор которой зависел от пола, возраста, местных условий и хозяйственного профиля учреждения. Исследования дореволюционных заведений показывают, что ремесленная школа была не второстепенной хозяйственной функцией, а способом придать выпускнику устойчивый социальный статус [17, с. 10–14].

Сильной стороной модели являлась педагогическая индивидуализация: наблюдение за поведением, поощрения, постепенное расширение доверия, связь с попечителями, помощь после выпуска. Вместе с тем система сохраняла сословные, конфессиональные и гендерные различия, зависела от благотворительного финансирования и не обеспечивала равномерной территориальной доступности. Труд мог приобретать хозяйственно-эксплуатационный характер, а нравственное воспитание — превращаться в дисциплинарную риторику. Следовательно, историческое значение приютов состоит не в идеализации их практики, а в закреплении принципа: несовершеннолетний правонарушитель нуждается в специально организованной образовательной среде, отличной от взрослой тюрьмы.

3. Советская коллективно-трудовая модель: достижения и противоречия

Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» отменил суды и тюремное заключение для несовершеннолетних и передал дела комиссиям, ориентированным на медико-педагогические меры [7]. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года развил идею специальных учреждений, соединив обучение, воспитание и общественно полезный труд [8]. В раннесоветской концепции правонарушение подростка объяснялось социальной запущенностью, а коллектив должен был стать средством перевоспитания. Это создавало пространство для педагогического эксперимента, самоуправления, производственного обучения и включения воспитанника в социально значимую деятельность.

В 1930-е годы гуманистическая направленность уступила место административно-репрессивной централизации. Положение о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних 1935 года закрепило режимную организацию колонии, обязательный труд и школьное обучение [9]. Производственная результативность нередко становилась фактическим критерием исправления. Коллективистская педагогика обладала значительным социализирующим потенциалом, но при подчинении ведомственной отчетности допускала обезличивание подростка, приоритет дисциплины над развитием и смешение воспитательного воздействия с принуждением.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 года оформил относительно устойчивую систему воспитательно-трудовых колоний [10; 16]. В ней действовали общеобразовательные школы и профессионально-техническое обучение, применялись отрядная организация, культурно-массовая работа, соревнование, шефство предприятий и общественных организаций. Достижением стало признание обучения постоянным элементом исполнения наказания. Однако образовательная траектория определялась прежде всего возможностями учреждения, а не способностями и планами воспитанника. Связь с обычной школой, колледжем и рынком труда после освобождения оставалась слабой. Тем самым советская модель институционализировала образование, но не обеспечила его персональной и межведомственной непрерывности.

4. Постсоветская правовая модель и ее нормативные пределы

Современный этап характеризуется переходом от идеологии исправительно-трудового воздействия к правовой модели, в которой несовершеннолетний сохраняет конституционные и образовательные права. Уголовный кодекс Российской Федерации требует учитывать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и влияние старших лиц [11]. Уголовно-исполнительный кодекс предусматривает отбывание лишения свободы в воспитательных колониях и закрепляет единый учебно-воспитательный процесс [12]. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует получение общего образования лицами, находящимися в исправительных учреждениях, и регулирует особенности организации обучения [13].

Совместный приказ Минюста России и Минобрнауки России устанавливает порядок получения начального общего, основного общего и среднего общего образования осужденными [14], а приказ Минюста России 2020 года регулирует профессиональное обучение и среднее профессиональное образование [15]. Нормативное разделение образовательных полномочий между уголовно-исполнительной системой и органами образования позволяет сохранять государственные стандарты и выдавать документы установленного образца. Вместе с тем режимные ограничения, неодинаковая материальная база учреждений, кадровый дефицит и ограниченность программ сужают реальный выбор подростка.

Главная юридическая проблема состоит в том, что формула единого учебно-воспитательного процесса описывает цель, но не создает измеримого механизма. Закон не требует оформлять индивидуальную образовательную траекторию, сопоставляющую исходный уровень знаний, особые образовательные потребности, срок наказания, профессиональные интересы и план освобождения. Не установлен единый цифровой формат образовательного портфолио, которое следовало бы передавать школе или колледжу по месту жительства. Не определен субъект, отвечающий за восстановление обучения непосредственно после освобождения. В результате подросток может успешно учиться в колонии, но потерять достигнутые результаты на межведомственном переходе.

5. Образовательная ресоциализация как современная уголовно-исполнительная модель

Исторический анализ позволяет разграничить четыре модели: опекунско-карательную, приютско-педагогическую, коллективно-трудовую и правозащитную образовательную. Последняя пока сформирована лишь частично. Ее отличие состоит в том, что образование рассматривается не как награда за дисциплину, не как средство занятости и не как обслуживающая функция производства, а как самостоятельное право и основной ресурс снижения криминогенных рисков. Воспитательная работа при этом должна соединять учебный успех с развитием правосознания, навыков общения, финансовой и цифровой грамотности, способности планировать жизнь и разрешать конфликты ненасильственными способами.

Принцип непрерывности образования следует понимать в четырех измерениях. Институциональная непрерывность означает сохранение обучения при перемещении между следственным изолятором, воспитательной колонией и образовательной организацией после освобождения. Содержательная предполагает зачет освоенных модулей и исключение необоснованного повторения программы. Цифровая требует защищенного доступа к электронным библиотекам, образовательным платформам и дистанционным курсам без свободного выхода в сеть. Социальная непрерывность выражается в участии семьи, наставника, комиссии по делам несовершеннолетних, органов образования и службы занятости в едином плане ресоциализации.

Индивидуализация не должна сводиться к характеристике поведения. Для каждого осужденного целесообразно формировать образовательный профиль: фактический уровень грамотности, перерывы в учебе, когнитивные и коммуникативные особенности, профессиональные интересы, имеющиеся документы, достижения и ограничения. На его основе утверждается индивидуальная траектория с академическими и социальными результатами. Ее выполнение оценивается не администрацией единолично, а междисциплинарной группой с участием педагогов и психологов. Такой подход переводит исправление из сферы оценочных суждений в область проверяемых позитивных изменений.

Особое значение имеет участие общественных объединений, способных расширять образовательное предложение, обеспечивать наставничество, профориентацию и сопровождение после освобождения. Современные исследования подтверждают востребованность устойчивого взаимодействия воспитательных колоний с некоммерческими организациями и волонтерскими объединениями [18, с. 100–105]. Однако такое участие должно строиться на стандартах допуска, защите персональных данных, педагогической компетентности и оценке результатов, а не зависеть исключительно от разовых благотворительных инициатив.

6. Предложения по совершенствованию законодательства

Представляется целесообразным дополнить статью 141 УИК РФ нормой следующего содержания: «Организация учебно-воспитательного процесса в воспитательной колонии основывается на принципе непрерывности образования несовершеннолетнего осужденного и осуществляется в соответствии с его индивидуальной образовательной траекторией, обеспечивающей преемственность обучения при переводе и после освобождения». Такая формула не дублирует законодательство об образовании, а закрепляет специальную уголовно-исполнительную гарантию, обусловленную изоляцией и повышенной уязвимостью подростка.

На подзаконном уровне необходимо установить обязательное электронное образовательное

портфолио, содержащее сведения об освоенных программах и модулях, результатах диагностики, профессиональных пробах, достижениях и рекомендациях. Доступ к нему должен предоставляться только уполномоченным субъектам и самому несовершеннолетнему с соблюдением законодательства о персональных данных. Не позднее чем за шесть месяцев до предполагаемого освобождения требуется разрабатывать межведомственный план продолжения обучения, определять конкретную образовательную организацию, порядок зачисления, необходимые документы, меры социальной поддержки и ответственного координатора.

Следует нормативно закрепить минимальный состав защищенной цифровой образовательной среды воспитательной колонии: федеральные информационные ресурсы, электронные учебники, тренажеры, дистанционные консультации преподавателей и возможность прохождения отдельных программ организаций среднего профессионального и высшего образования. Режим информационной безопасности может обеспечиваться «белыми списками» ресурсов, идентификацией пользователя, журналированием доступа и исключением неконтролируемых коммуникаций. Полный отказ от цифровых форм обучения создает новое неравенство и снижает конкурентоспособность выпускника.

Критерии эффективности воспитательной колонии также нуждаются в изменении. Наряду с режимными показателями должны оцениваться доля подростков, восстановивших обучение, получивших квалификацию, продолживших образование в течение трех месяцев после освобождения, трудоустроенных по освоенной профессии и не совершивших повторного преступления. Образовательные результаты не следует механически превращать в основание поощрения или взыскания: они должны использоваться для улучшения программ и распределения ресурсов. Иначе право на образование вновь окажется подчиненным дисциплинарной логике.

Заключение

История воспитания и образования несовершеннолетних осужденных в России демонстрирует не последовательную гуманизацию, а конкуренцию педагогической, режимной и производственной рациональностей. Дореволюционные приюты впервые институционально отделили подростка от взрослой тюрьмы и связали исправление со школой и профессией. Советская система сделала обучение постоянной частью деятельности колоний, но подчинила его коллективно-трудовой организации и ведомственным задачам. Современное законодательство признало права несовершеннолетнего и государственные образовательные стандарты, однако не гарантировало непрерывность индивидуальной траектории.

Перспективное развитие должно быть связано с моделью образовательной ресоциализации. Ее основными элементами являются индивидуальный образовательный профиль, преемственность обучения на всех этапах уголовного процесса и после освобождения, защищенная цифровая среда, межведомственное сопровождение, участие семьи и общественности, а также оценка учреждения по устойчивым образовательным и социальным результатам. Исторический опыт позволяет сформулировать принципиальный критерий: воспитательной является лишь такая практика, которая расширяет самостоятельность несовершеннолетнего, его знания и законные жизненные возможности; дисциплинарное подчинение без развития этим критериям не отвечает.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[2] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[3] Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы: приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 18.06.2026).

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. — [4], IV, 898, XVII с.

[5] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об исправительных приютах» от 5 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отд. II. № 43949.

[6] Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних от 19 апреля 1909 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. № 31727.

[7] О комиссиях для несовершеннолетних: декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 8.

[8] Об утверждении Исправительно-трудово-

го кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

[9] Положение о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних от 29 июля 1935 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 103. Л. 51–51 об.

[10] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 18 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[12] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

[13] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[14] Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы: приказ Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 6 декабря 2016 г. (ред. от 20 декабря 2018 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208878/5b9e428baa3cf1aa35e1fdc3c6dee6a7ce98a54e/ (дата обращения: 18.06.2026).

[15] Об утверждении Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы: приказ Минюста России от 24 марта 2020 г. № 59. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349994/ (дата обращения: 18.06.2026).

[16] Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Издательство Владимирского государственного университета, 2008. 428 с.

[17] Бикчурина Э. З. Организация пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков (на примере Казанского воспитательно-исправительного ремесленного приюта) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3 (53). С. 8–17.

[18] Кузнецова Е. В., Кочанова В. С. Содействие общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 1 (69). С. 98–107.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 (including amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4.

[2] Convention on the Rights of the Child: adopted by the UN General Assembly on November 20, 1989 // Collection of International Treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.

[3] United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty: adopted by UN General Assembly resolution 45/113 on December 14, 1990 // UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (accessed: June 18, 2026).

[4] Code of Criminal and Correctional Punishments. — Saint Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. — [4], IV, 898, XVII p.

[5] Opinion of the State Council "On Correctional Shelters," approved by the Emperor on December 5, 1866 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XLI. Section II. No. 43949.

[6] Regulation on Educational-Correctional Institutions for Minors, dated April 19, 1909 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XXIX. No. 31727.

[7] On Commissions for Minors: Decree of the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR, January 14, 1918 // *Gazette of the Provisional Workers' and Peasants' Government*. 1918. No. 8.

[8] On the Approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), October 16, 1924 // *Collection of Enactments of the RSFSR*. 1924. No. 86. Art. 870.

[9] Regulation on the NKVD Labor Colony for Minors, July 29, 1935 // State Archive of the Russian Federation. Fond 9401, Series 12, File 103, Sheets 51–51v.

[10] Correctional Labor Code of the RSFSR: Approved by the Law of the RSFSR, December 18, 1970 // *Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1970. No. 51. Art. 1220.

[11] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on June 10, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

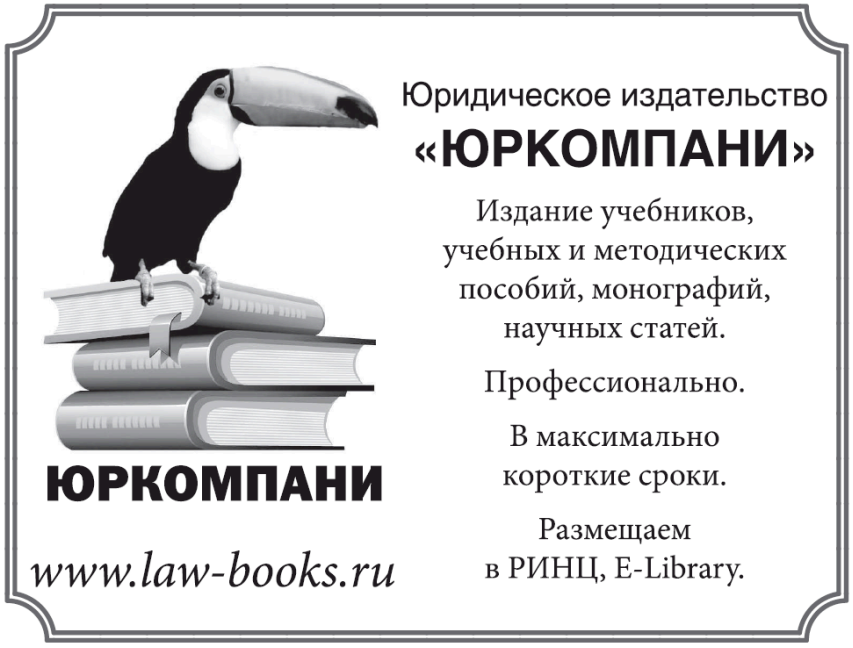
[12] Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 (current version) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 2. Art. 198.

[13] On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on April 25, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.

[14] On Approval of the Procedure for Organizing the Provision of Primary General, Basic General, and Secondary General Education to Persons Serving Sentences of Imprisonment: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 274 and the Ministry of Education and Science of Russia No. 1525 dated December 6, 2016 (as amended on December 20, 2018) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208878/5b9e428baa3cf1aa35e1fdc3c6dee6a7ce98a54e/ (accessed: June 18, 2026).

[15] On Approval of the Procedure for Organizing Vocational Training and Secondary Vocational Education for Persons Sentenced to Imprisonment: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 59 dated March 24, 2020 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349994/ (accessed: June 18, 2026).

[16] Ashin A. A. Juvenile Correctional Colonies: History and the Present Day. Vladimir: Vladimir State University Publishing House, 2008. 428 p.

[17] Bikchurina E. Z. Organization of Penal Institutions for Juveniles in the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (A Case Study of the Kazan Educational and Correctional Vocational Shelter) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 3 (53). pp. 8–17.

[18] Kuznetsova E. V., Kochanova V. S. The Role of Public Associations in the Educational Work with Juveniles Sentenced to Imprisonment // Penitentiary Science. 2025. Vol. 19. No. 1 (69). pp. 98–107.